

С. Г. Осьмачко

Современная политическая доктрина Русской православной церкви

В статье дана подробная характеристика системе политических взглядов РПЦ, изложенной в ее базовых документах и концепциях. По мнению автора, сущность «православной политической идеологии» составляют следующие положения:

1) «Святая Русь» и «православный народ» (первое понимается как сосредоточение высших добра, истины и смысла, как система ценностей, как доминанта духовного над материальным; второе подчеркивает избранность России, «русской цивилизации», православно ориентированного народа-богоносца и пр.; соответственно, РПЦ претендует на главенствующую роль среди других традиционных конфессий в России);

2) державный религиозный мессианизм, претензии на роль арбитра в диалоге цивилизаций (при подмене культурологического прочтения термина «цивилизация» политико-правовым);

3) использование «образа врага» в интересах укрепления положения РПЦ (в таком качестве на основе бинарного подхода используются по ситуации образы коммунистов, либералов, американцев, сектантов, экуменистов и т. п.);

4) подмена национального православным, внедрение комплекса «православного патриотизма» (отождествление патриотизма с «религией большинства, распространение идеи «православного патриотизма» на сферу существования всех православных народов);

5) антизападная установка, критическое отношение к глобализации (утверждается, что православная цивилизация должна защищать свою идентичность перед экспансией секуляризированного либерального Запада);

6) антилиберализм и антидемократизм;

7) религиозная ограниченность в понимании общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека;

8) характеризуются взаимоотношения церкви и государства;

9) представлены границы политического участия клира и паствы.

В нашем понимании, подобный практико-политический курс РПЦ ведет к архаизации общественных отношений.

Ключевые слова: Русская православная церковь, державность, религиозный мессианизм, модернизация, архаизация, «православный патриотизм», глобализация, права и свободы, «Святая Русь», «православный народ».

S. G. Osmachko

Modern Political Doctrine of the Russian Orthodox Church

In the article is given a detailed characteristic of the system of political views of the Russian Orthodox Church presented in its basic documents and concepts. According to the author, the essence of "the Orthodox Political Ideology" is made by the following ideas: 1) "Sacred Russia" and "the Orthodox People" (the first is understood as concentration of the highest of good, the truth and sense as a system of values as a dominant of spiritual over material, the second emphasizes selectness of Russia, "the Russian civilization", the Orthodox-focused Chosen People and so on; respectively, the Russian Orthodox Church applies for a predominating role among other traditional faiths in Russia); 2) majestic religious messianism, claims for the role of the arbitrator in dialogue of civilizations (at substitution of culturological reading of the term "civilization" by the political and legal one); 3) use of "the image of the enemy" in interests to strengthen the position of the Russian Orthodox Church (in such quality on the basis of the binary approach images of communists, liberals, Americans, sectarians, ecumenist, etc. are used due to the situation); 4) substitution of national by orthodox, introduction of the complex "Orthodox patriotism" (identification of patriotism with "majority religion, distribution of the idea of "Orthodox patriotism" onto the sphere of existence of all Orthodox people); 5) the anti-western idea, a critical attitude to globalization (it is claimed that the Orthodox civilization is to protect the identity before expansion of the secularized liberal West); 6) anti-liberalism and anti-democratism; 7) religious limitation in understanding of universal values, rights and freedoms of the person; 8) relationship of the church and the state are characterized; 9) borders of political participation of clergy and flock are presented. In our understanding, such a practical-political policy of the Russian Orthodox Church leads to archaization of the public relations.

Keywords: the Russian Orthodox Church, majesty, religious messianism, modernization, archaization, "Orthodox patriotism", globalization, rights and freedoms, "Sacred Russia", "the Orthodox people".

В нашем понимании сущность «православной политической идеологии» [36, с. 61; 5, с. 171] составляют следующие положения:

1. «Святая Русь» и «православный народ». Набор базовых тезисов в данном отношении достаточно широко известен: святая Русь – это сосредоточение высшего добра и высшей истины; это

система ценностей; это доминанта духовного над материальным; это избранность России, русской цивилизации, русского мира и т. д.; это православно сориентированный народ-богоносец и пр.

Значение этих неославянофильских идей состоит не в идейно-теоретической констатации, а в практико-политических логических следствиях: особая роль Руси, русского народа предполагает особую роль, а значит и особое социально-политическое положение самой Русской православной церкви (РПЦ). В этом случае РПЦ естественно выдвигается на роль политического и социального лидера нации, всей «православной цивилизации», «православного народа»; именно православная идентификация является главным признаком отнесения личности к русской культуре, к русской нации. Рассчитывая на особые права и привилегии за свою роль в сохранении государства и русской этнической самобытности, РПЦ рассчитывает на доминирование в сфере конфессиональных отношений.

В мае 1993 г., выступая на I Всемирном Русском Народном Соборе (ВРНС), патриарх Алексий II высказался по данному поводу следующим образом: «На русской нации лежит особая всемирно-историческая миссия по сохранению и утверждению православия на земле», а православие – «фундамент нашей цивилизации» и «государственная идея России» [6, с. 132]. В феврале 1995 г. на II ВРНС патриарх уже изложил требование предоставить РПЦ такие возможности социального действия, которые бы «обеспечили ее главенствующую роль среди других традиционных конфессий в России» [7, с. 71–74].

Патриарх Кирилл также не раз говорил о святой Руси, русской цивилизации. 18 августа 2010 г. в обращении к жителям Пскова в связи с 500-летием завоевания этого города Московским царством патриарх утверждал, что «нет отдельных народов – русских, украинцев, белорусов – а есть Русь, даже Святая Русь – единый народ, созданный когда-то из разных этнических компонентов именно силой православия. Поэтому идентичность его – не племенная, а религиозная. Нет у этого народа, у Руси никаких других ценностей, кроме православных, то есть нет никакой другой идентичности» [4, с. 147–148].

2. Державный религиозный мессианизм, претензии на роль арбитра в «диалоге цивилизаций при подмене культурологического прочтения термина “цивилизация” политико-правовым» [26, с. 54]. Действительно, кому как не «православному народу» быть субъектом пра-

ва и политики на канонической территории (то есть там, где он составляет большинство населения). В Основах социальной концепции (ОСК) РПЦ для определения термина «нация» (помимо существующих гражданского и этнического критериев) вводится также религиозный критерий. Как утверждает игумен Вениамин (Новик), «ветхозаветный народ был именно таким, но можно ли пытаться подражать ему? Можно ли претендовать на богоизбранность? В проведении такой параллели, представляется, сказывается глубокий архаизм ОСК» [3, с. 60].

Об архаизме и модернизации речь еще пойдет ниже; сейчас же отметим, что политическая идеология РПЦ носит более светский, чем богословский характер. Причем, в этой светскости присутствует серьезный фрагмент «политического мессианизма», «воинствующего национализма и империализма» [9, с. 16].

3. Использование «образа врага» в интересах укрепления положения РПЦ. Преобладание элементарно мыслящих людей порождает в нашем обществе социальный запрос на упрощенные схемы объяснения происходящих процессов. Бинарный (черно-белый) подход в оценках активно использовался во времена коммунистического безбожия, формируя выгодные для власти «образы врага», стереотипы осажденной крепости и пр. В политической идеологии РПЦ также используются образы врага; к ним, по мнению ответственного редактора «Церковного вестника» С. Чаплина, следует отнести «либерала или коммуниста, американца или сектанта, чиновника или даже православного священника-экумениста» [36, с. 60].

Эксплуатация двузначных бинарных схем в идеологии, помимо положительных смыслов для власти, имеет негативным следствием создание оппозиции, групп лиц, несогласных с проводимым правительством, для которых навязываемый официоз неприемлем.

4. Подмена национального православным. Внедрение комплекса «православного патриотизма». Словосочетание «православный патриотизм» нам непонятно ни политически, ни этимологически. Таким образом, патриотизм отождествляется с религией большинства; с православием, «православным народом», а «принадлежность к другим религиозным организациям оценивается как измена национальным традициям» [11, с. 64].

Мы полагаем, что РПЦ в последние годы играет исключительно важную роль в возрождении

национальных начал отечественной культуры; она осуждает антисемитизм и ультра национализм – «искажения, которые допускает порой некоторая часть православной общественности» [16, с. 113].

В ОСК РПЦ записано, что «православный христианин обязан любить свое отечество, имеющее территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру». Мы не согласны с теми авторами, кто полагает что это «расистская оценка» [19, с. 237]. Но определенное «национально-религиозное самооболащивание» [8, с. 252] здесь имеет место. 29 декабря 1994 г. патриарх Алексей II на встрече с членами Российской академии образования заявил: «Все ключевые особенности, отличавшие русского человека на протяжении веков, были воспитаны в русском народе Православной верой» [8, с. 253–254].

Не следует также забывать, что РПЦ распространяет идею «православного патриотизма» на сферу существования всех православных народов, это уже прямая дорога в сферу межнациональных и прочих конфликтов.

Вполне возможно, что идеи «патриотического служения» РПЦ эффективно срабатывали именно в годы советской атеистической власти; немало поработали они и на благо монархии; логично предположить, что *подобные «патриотические» доктрины являются способом сакрализации отечественного авторитаризма.*

В феврале 2011 г. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви и общества провел совещание представителей молодежных организаций. В числе рекомендаций этого форума сохранилось следующее положение: «Необходимо обеспечить представительство народов и религиозных групп в возможных дискуссионных площадках соразмерно их численности. Их представительство должно быть адекватно их роли. При этом следует исключить дискриминацию народов или религиозных групп малой численности в случае их участия в дискуссии или диалоге» [37].

5. Антизападная установка. Критичное отношение к глобализации. В ОСК РПЦ нет прямых антизападных установок, но косвенных свидетельств этого рода вполне достаточно (все они лежат в области неприятия тех или иных базовых ценностей либеральной западной цивилизации).

Что подразумевается, когда говорят «Запад»? В данном случае термин носит не географический, а цивилизационный характер. Запад понимается как модернизационный вызов, основополагающий вектор социального совершенства-

ния в обществе, которое приходит на смену традиционному. Ниже мы рассмотрим проблему модернизации, здесь же отметим, что победа обновленческой тенденции предполагает принципиальные перемены в РПЦ, к чему он явно не стремится. Специалисты полагают, что «уровень антизападничества внутри Церкви значительно выше, чем в обществе в целом» [15, с. 348].

Так же и в отношении оценок глобализации: в ОСК РПЦ они носят взвешенный и выверенный характер. Но в сути церковной доктрины, особенно в ее внешних, публицистических проявлениях, отношение к глобализации сугубо негативное (аналогично с отношением к вестернизации, в РПЦ «градус» негативности в адрес глобализации выше, чем в целом в обществе).

Большая часть духовенства РПЦ «чужда идеалам политической свободы и прав человека», стоит на «антидемократических позициях», стремится «дать отпор глобализации» [26, с. 20–21]. Элита РПЦ в своих выступлениях особенно нападает на угрозу национальной идентичности, сохранения православной культуры.

Православная богословская мысль постоянно ищет новые формы объяснения вредности глобализации. Так, известный протоиерей В. Чаплин различает глобализацию и глобализм. Глобализация для него – это «естественное усиление международного сотрудничества», а глобализм – «проект захвата власти и навязывания либеральных, секулярно-гуманистических ценностей в качестве универсальных и общепринятых всему человечеству». В. Чаплин утверждает, что «в центре этого проекта – силы, далекие от христианства, если не прямо антихристианские (и вообще антирелигиозные). До сих пор им удается наиболее эффективно и удачно использовать в своих целях все то, что обычно называют глобализацией (взаимопроникновение народов, ускоренное – поверх границ – распространение информации, товаров, денег, услуг, политических процессов и даже военных конфликтов)». И наконец, главное, по Чаплину: «Русская православная цивилизация имеет не меньше прав на причастность к определению судеб Европы и мира, чем Запад или любая иная крупная этнокультурная общность» [33, с. 23–24].

Несколько слов о г. В. Чаплине – «рупоре право-консервативного крыла РПЦ». 19 октября 1891 г. В. О. Ключевский на заседании Московского психологического общества заслушал доклад В. С. Соловьева «Об упадке средневекового мирозерцания», а вечером записал в дневник:

«Хочет догматизировать и канонизировать свои служебные похоти... Не будит, а будирует мысль» [13, с. 298–299]. По нашему мнению, логика этого определения убийственно точно характеризует служебные «телодвижения» В. Чаплина (вспомним его некоторые одиозные заявления, например, такое: «Сталин лучше Ленина, поскольку при нем навсегда ушли в прошлое бредни о мировой революции как центральном элементе государственной политики. Заметно ослабли политические репрессии. Почти прекратились репрессии против церкви. Восторжествовала вовсе не та система, которая сложилась после октября 1917 г.» [14, с. 314] и пр.).

В 2007 г. увидела свет статья В. Чаплина «Пять постулатов современной цивилизации. (Восточное христианство предлагает свою модель государства и общества)» [35, с. 81–85]. Перечислим эти постулаты:

1. Обретение истинной веры и духовного спасения.
2. Общество, а в идеале и государство, должно иметь духовную миссию.
3. Церковь, народ и власть – одно целое.
4. Сильная центральная власть должна советоваться с народом.
5. Личность и народ призваны находиться в гармоничном единстве.

Вывод протоиерея В. Чаплина однозначен: «Востоочнохристианская цивилизация, как бы ни отрешивались от нее современные политики, как бы ни пытался закомплексованно и боязливо игнорировать ее Запад, просто не может войти с ним в единое пространство, не привнеся туда свое духовное наследие, свои правила, принципы, законы, свою модель государства и общества. Запад и вправду нас побаивается» [35, с. 81].

Еще более жесткую антиглобалистскую и антизападную позицию занимают ультраправославные круги РПЦ. Например, в Петербурге действует Православное антиглобалистское общество, которое повсюду рассылает свои документы, воззвания и пр. В одном из них содержится, например, достаточно типичный набор тезисов: идеология глобализации противоречит православному мировоззрению; глобализация внедряется в социальную жизнь усилиями «мировой элиты» и выражает ее интересы; РПЦ и российское государство – главное препятствие на пути западных стран к мировому господству; потакание глобализации ведет к уничтожению православного духа и т. д. [16, с. 113].

Комплекс идей о том, что наша (православная) цивилизация должна защищать свою идентичность перед экспансией секуляризованного либерального Запада, окончательно сложился в РПЦ на рубеже 1990–2000-х гг. [1, с. 17]. Официальными выразителями этой доктрины выступали два последних патриарха.

б. Антилиберализм и антидемократизм. 27 января 1999 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Рекомендацию № 1396 «Религия и демократия». В ней был сделан особый акцент на такие аспекты реализации свободы совести и религии, как:

- 1) обеспечение религиозного плюрализма;
- 2) предоставление всем конфессиям возможности развиваться в одинаковых условиях;
- 3) обеспечение соблюдения религиозных обрядов и традиций, касающихся заключения брака, одежды, праздничных дней, прохождения военной службы;
- 4) обеспечение равных прав в сфере образования для всех граждан независимо от их религиозных убеждений, традиций и обрядов;
- 5) равный и справедливый доступ всех конфессий к публичным средствам массовой информации [2, с. 117].

Заметим, что вышеперечисленные либеральные ценности нашли свое отражение и в Конституции РФ, и в других законодательных государственных актах. Отчего же в РПЦ существует столь настороженное, а часто – прямо отрицательное отношение к этому политическому течению? Жупел либерализма вытаскивает на свет даже такой продвинутый человек, как патриарх Кирилл: «Совершенно очевидной становится невозможность бесконфликтной экспансии либерализма, особенно в тех сферах общественного бытия, которые наиболее цепко удерживают ценности, воспитанные национальной духовно-культурной традицией» [12, с. 63–64].

В современной социально-политической православной мысли постоянно присутствует антидемократическое начало. Даже в ОСК РПЦ отдается предпочтение богоустановленной власти монархического типа. Перспективы демократического развития российского общества находятся в прямом противоречии с учением церкви [3, с. 72].

В феврале 2006 г. в Российской академии государственной службы при Президенте РФ проводилась научная конференция «Религия и гражданское общество». 1 февраля официальную позицию РПЦ на конференции представил В. Чаплин: западные формы демократического представительства

ства не подходят для России («Парламент не вписывается в сознание нашего народа»); история нашей страны вполне богата представительскими традициями – раньше в этом направлении действовал Земский Собор, ныне – Общественная палата («У нынешней власти также сохранился инстинкт внутренней ответственности за народ. Для того чтобы учесть интересы всех граждан, и была создана Общественная палата РФ»).

По мнению В. Чаплина, Общественная палата «лучше парламента» тем, что, во-первых, в ней нет многопартийности (выдумка все той же западной демократии, неподходящая России практика); во-вторых, в ней есть священнослужители (в РФ им запрещена электорально-парламентская деятельность) [30, с. 33].

Патриарх Кирилл всегда был осторожен в оценках демократии. 1 августа 2006 г. в интервью газете «Комсомольская правда» он заявил: «Для меня демократия – это, в первую очередь, гармонизация интересов. Все остальное вторично» [31, с. 18].

Действительно, исторически у нас не так много предпосылок успешного демократического становления. Можно вспомнить отсутствие традиций свободы и развитых гражданских институтов. Но нехватка у РПЦ опыта демократического существования не означает, что ей впредь не придется строить цивилизованных отношений с миром.

Тем более, демократический вектор российского общественного сознания менял свою конфигурацию вслед за изменениями общественно-политической ситуации: например, в середине 1990-х гг. большинство православных россиян склонялись к западным либеральным ориентациям (80 % из них были за то, чтобы РФ развивалась в соответствии с социальными технологиями современного либерально-демократического типа) [17, с. 120–130]. Иными словами, какого-то принципиального неприятия демократии в России не существует. Неприятие демократии «в некоторой части общества кроется в том, что в 90-х гг. при осуществлении демократического транзита национальные ценности и нормы традиционной культуры оказались вытесненными» [29, с. 94].

Стабильно функционирующие демократические институты вполне способны обеспечить российским гражданам принципиальную возможность успешной социальной реализации. Будущее нашего общества во многом зависит от того, какие социально-политические и духовные

ценности укоренятся в его основе. И здесь настаивает тот факт, что даже в ОСК РПЦ нет некоторых составляющих, без которых любая модернизация невозможна:

1) у РПЦ явно не существует осмысленной концепции гражданского общества (хотя как можно требовать ее наличия от церкви, когда подобного нет в государстве);

2) термин «правовое государство» в ОСК РПЦ не встречается ни разу;

3) отсутствуют упоминания об общечеловеческих ценностях, общем благе, людях доброй воли, социальной солидарности, правах человека и пр. Во всем вышеперечисленном сказывается то, что РПЦ «продолжает ощущать себя государственной церковью (хотя бы потенциально), не хочет «сжигать мосты», соединявшие ее с государством на протяжении столетий» [3, с. 70].

При таком подходе РПЦ выгоднее говорить о соборности, нежели о солидарности (первая понимается как более высокая форма социальной организации, чем вторая). «Но где у нас сейчас в реальной жизни соборность, – спрашивает священник Ф. Парфенов? – Если бы она действительно была, если бы у нас была общинная жизнь, своего рода гражданское общество внутри Церкви, тогда можно было бы, опираясь на этот опыт, взаимодействовать с внешним миром и что-то нести туда уже с высоты духовного опыта» [32, с. 316–317].

Использование механизмов соборности в условиях почти феодальной архаики церкви быстро превратит российскую государственность в нечто сакральное, а «на этой почве легче всего возрождается культ грубой и цинично-демагогической власти» [27, с. 84].

7. Религиозная ограниченность в понимании общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека. В РПЦ в идеологическом ключе отрицается универсальная значимость общечеловеческих ценностей; им всегда противопоставляют какие-то церковные догматы. Особенно наглядно это проявляется в отношении прав и свобод человека.

РПЦ утверждает, что «политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться

ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию» [24, с. 18–19].

Из этого заявления мы видим, что идеологи РПЦ используют в своих подходах к свободе и правам человека логический прием «от противоположного», уточнение через ограничение. В результате РПЦ как бы вдруг становится арбитром в этих вопросах – нехитрый прием достижения доминирования путем самоприсвоения права на абсолютное знание.

С религиозной точки зрения личность и общество несамодостаточны, поэтому для их нравственного усовершенствования обязательно потребуется некое богословское каноническое вторжение ценностей более высокого порядка, нежели те, что выработал человек. Религия строит моральную систему или теорию прав человека «сверху», от Бога; секулярный либерализм, напротив, делает это «снизу», от воли человека.

Принятие религиозной точки зрения влечет за собой следующие практические следствия:

1) церковь большинства предлагает православному народу истинное понимание общечеловеческих ценностей, прав и свобод; несогласное меньшинство может (и должно) терпеть свое несправие, поскольку оно порождено неверной ориентацией меньшинства (в данном случае весьма наглядно проявляется отрицание плюрализма, идейно-политическая нетерпимость);

2) религиозная позиция общеприменима в той мере, в какой она базируется на гуманистических ценностях (гуманистический статус православия общеизвестен);

3) полное применение религиозного подхода фактически лишает современное секулярное учение о неотъемлемых правах человека всякого позитивного содержания;

4) религиозные моралисты де-факто отрицают свободу выбора, подменяя ее ценностью ценностью свободы конфессионального служения (комизм в том, что максимально свободным в таком случае определяется максимально несвободный, максимально воцерковленный человек). В этой казуистике скрыт большой смысл – оправдание отказа от свободы, от выбора, от ответственности превращает паству в легкоуправляемое стадо.

По этому поводу успел высказаться протоиерей В. Чаплин, который перечислил следующие задачи правозащитной деятельности РПЦ:

1) защита личности от произвола властей и работодателей;

2) защита лиц, находящихся в местах лишения свободы и в социальных учреждениях (инвалиды, дети-сироты, пожилые люди и пр.);

3) противостояние преступлениям на религиозной и национальной почве;

4) защита национальных меньшинств;

5) охрана личности от посягательств со стороны тоталитарных сект;

6) защита от насилия, от организованной преступности и коррупции, от вовлечения в проституцию, от торговли людьми, употребления наркотиков;

7) недопущение тотального контроля над человеческой личностью, превращения ее в товар, в обезличенный модуль потребительско-технологической системы [34, с. 66].

В данном случае мы сталкиваемся с демагогией и передергиванием: ничего не говоря о религиозных подходах к теме, протоиерей перехватывает инициативу (хотя бы формально-содержательно) у правозащитников либерально-демократического типа.

Практическое значение концепции РПЦ по вопросам свободы совести проявляется в следующем:

1) если РПЦ претендует на роль государственной религии (хотя бы на роль доминирующей конфессии), то признание свободы совести будет ей мешать, так как при этом признается равная ответственность вероисповеданий перед законом;

2) свободу совести часто сужают до реально достигнутого освобождения от атеистических преследований; логический прием редукции (сведения) в данном случае позволяет не обращать внимания на проблему свободы церкви от государства.

Трудно не согласиться с мнением священника В. Шмалия: «Свободе нужно учиться» [32, с. 312].

8. Дана характеристика взаимоотношений церкви и государства:

а) власть имущие должны использовать силу государства для ограничения зла и поддержания добра (православное понимание необходимости государства);

б) РПЦ предписывает своим чадам повиноваться государственной власти; одновременно следует уклоняться от абсолютизации власти;

власть также не должна абсолютизировать себя, поскольку это обязательно приводит к злоупотреблениям властью и обожествлению властителей. Данное положение – *установка на десакрализацию власти* – представляется нам важнейшим достижением православной мысли (которое далеко не всегда реализуется на практике). В некотором роде, делая подобные заявления, РПЦ порывает с вековой традицией освящения власти, «заявляет о необходимости дистанцироваться от любого государственного строя и политических доктрин, конкретных общественных сил, в том числе и находящихся у власти» [21, с. 24];

в) определены взаимоотношения церкви и государства: это невмешательство в дела друг друга; даже обращаясь к государству с просьбами и призывами, церковь не может присваивать себе государственных функций.

Идеальной формой церковно-государственных отношений является «симфония» РПЦ и государства. Суть ее составляют «обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой» [23, с. 20].

Попытки современных церковных авторов воспеть преимущества симфонии не только в историческом плане, но и для сегодняшнего дня вызывают у части исследователей, как минимум, иронические оценки («Нетрудно разглядеть за всеми этими постмодернистскими аллюзиями развитого социализма насущную цель: сакрализацию бюрократии» [20, с. 300]; государственно-церковная симфония – это некое «единство, которое бывает особенно крепким при диктатуре» [26, с. 54]; симфония сегодня – «это пародия на Средневековье» [16, с. 117]);

г) церковь и государство располагают различным набором средств для достижения своих целей – религиозно-нравственные действия и материальная сила соответственно; церковь не может не проповедовать истину, что бы ни предписывалось государством (в этом отношении церковь совершенно свободна от государства); церковь лояльна власти, но Божественная заповедь выше требования лояльности (если государство склоняет верующих к отступлению от веры, церковь должна отказать государству в повиновении).

В настоящее время, когда государство РФ и РПЦ достигли высокой степени единения, в том числе политического, трудно себе представить даже намек на церковное неповиновение;

д) провозглашается религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства; при этом церковь оставляет за собой право указывать государству на недопустимость распространения убеждений и действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми (в данном случае РПЦ демонстрирует анти тоталитарную установку).

К сожалению, не все так просто: либеральная анти тоталитарность, несмотря на бумажные эскизы, вовсе не является реальным принципом взаимоотношений РПЦ и государства. Характер этих взаимоотношений получает различные оценки:

Иоанн (Снычев) актуализировал тему *державности*, которая, по его мнению, представляет собой «государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание, народа удерживающего, стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла» [10, с. 3]. В политическом смысле державность предполагает идейное и нравственное обслуживание силами церкви интересов власти; приятное потакание национально-патриотическому чувству не исключает опасности прогосударственного церковного конформизма;

Игумен Иннокентий (Павлов), кандидат богословия и преподаватель Библейского богословского института св. апостола Андрея в Москве для обозначения политического православия предлагает такой термин, как *православизм* [25, с. 47];

е) церкви более предпочтительны те формы и методы правления, которые являются наиболее религиозно укорененными. В ОСК РПЦ представлена некая классификация форм государственной власти, которая показывает определенное тяготение православных теологов к идеалам православной монархии (в том числе, в имперском варианте). Игумен Вениамин (Новик) по этому поводу пишет: «РПЦ большую часть своей истории существовала в условиях монархии... Она сливалась с государством, что приводило к цезарепапизму. Вместо симфонии реализовывался некий церковно-государственный симбиоз, который рассматривался подданными как представительство Бога на земле. Сформировался неписанный догмат: «Православный должен быть монархистом». Политическая теология в данном случае простая: «Одному Богу на небе должен соответствовать один царь на земле» [3, с. 74].

Можно говорить о существовании исторически обусловленного православно-монархического типа сознания (в том числе, у лиц, не являющихся верующими). В любом случае, для православного человека монархическая форма правления понимается как нечто «более религиозно укорененное»; тогда как, например, темы демократии и либерализма до сих пор понастоящему не освоены нашим вероучением;

ж) описаны области соработничества государства и церкви, а также названы те сферы, где соработничество невозможно.

9. Показаны возможности политического участия РПЦ и паствы. Политика – это разногласия, противоречия и борьба, а РПЦ – это мир и соработничество различных людей и социальных слоев. Думается, власть и церковь едины в своих устремлениях к политически комфортному существованию граждан. РПЦ официально заявляет о своем принципиальном дистанцировании от политических отношений; например, священнослужителям запрещено участие в выборах в качестве кандидатов и пр. В то же время никаких препятствий участию мирян в политической деятельности РПЦ не выдвигает; в том числе она положительно относится к созданию и существованию христианских политических партий и организаций.

ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. не разрешает создание политических партий по религиозному признаку. 11 января 2012 г. протоиерей В. Чаплин записал в блоге «Православная политика»: «Создание партий по религиозному признаку не допускается законом, но никто не запретит формировать православную партию без официального упоминания об этом в ее названии». Это своеобразное «прощупывание» общественного мнения вызвало неоднозначную реакцию. 14 января 2012 г. в интервью ИТАР-ТАСС В. Чаплин заявил: «Я всего лишь задаю вопрос, на который сам не знаю ответа» [18, с. 1].

Неучастие РПЦ в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает ее отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам. Например, в 2012 г. РПЦ начала сбор подписей за объединение трех славянских государств – России, Украины и Белоруссии. Державный унитаризм, проимперская направленность логично порождают именно такие идеи – «создания нового могучего государства, которое наконец-то поднимется с колен» [22, с. 11].

Заметим еще и то, что РПЦ официально не выказывает никаких политических предпочтений, однако церковное умение держать «нос по ветру» общеизвестно; а что, например, мешает РПЦ осудить тоталитаризм, сталинщину, войну с собственным народом, об интересах которого церкви следует печаловаться и пр.

Значение православной политической идеологии. Вышеприведенные данные заставляют нас сделать следующие выводы: в начале XXI в. в РПЦ возобладала реставрационная замкнутая модель развития. Реставрироваться должны традиционные, прежде всего, дореволюционные православные ценности. Этот выбор однозначно обозначился в конце 1990-х гг. 11 декабря 1999 г., выступая перед общественностью г. Самары, патриарх Алексий II заявил: «Часто раздаются голоса, что нам нужно найти национальную идею. И ищут национальную идею где-то за океаном. Но я убежден, что наша идея – в трудном, но славном прошлом, в том, что пережила Россия за тысячелетний период своей истории. Важно вернуться к тем основам жизни, которыми жил наш народ, будучи народом-богоносцем, верующим, нравственно чистым» [28, с. 33].

Таким образом, мы полагаем, что практико-политический курс РПЦ последних лет можно определить как *архаизацию*. Сущность этой архаизации составляют:

- 1) мифологизация прошлого («русская цивилизация», «народ-богоносец», «Святая Русь» и пр.);
- 2) консерватизация внешних проявлений социальной активности церкви;
- 3) фундаментализация внутрицерковной жизни;
- 4) варваризация общественного сознания, парализующая на недостатках православной религиозности.

Вектор церковной архаизации резонансно усилился в результате совпадения с курсом преобразований, происходивших в РФ в последнее десятилетие. Руководство страны пытается достигнуть нового, более высокого качественного уровня развития страны через возобновление каких-то старых (архаичных, но в понимании власть предержащих – еще сохраняющих позитивное функциональное значение) форм социального существования.

Заметно, что власть понимает модернизацию в научно-техническом смысле; в отношении же духовного фактора срабатывает логика демодернизации (архаизации). Таким образом, избранная

методология «архаики модернизации» представляет собой нечто более сложное, чем просто социально-политический откат.

Политические ценности, которые сегодня утверждает РПЦ, совершенно логично привязаны к реставрационным настроениям, свойственным части современного общества; мощная социальная трансформация, все-таки происшедшая в стране в последнюю четверть века, породила боязнь перемен (далеко не все смогли пережить эту трансформацию без потери качества жизни); избыток социально-политической активности выталкивает людей, не обладающих высокими кондициями социального активизма, в сферу религиозного; страх социума у воцерковленных (базовый маргинальный тип), всегда стремившихся к изоляционизму, оправдан условиями их существования.

Таким образом, корни архаизации следует искать не столько в церкви, сколько в самом обществе, в особенностях социально-психологического фактора современной России.

Российское общество – с затруднениями и откатами – все-таки движется в сторону от тоталитаризма. В отношении религии современный период можно определить как постсоветскую секуляризацию с заповедным частичным возрождением значения религиозного фактора. РПЦ последовательно отказывается от демократической трансформации, чем обрекает себя на социальную вторичность. Именно здесь корень стремления РПЦ к конфессиональному доминированию в РФ. В результате затрудняется сближение государства, общества и церкви. Интеллектуальная часть общества с недоверием относится к архаизирующейся РПЦ. Опасно то, что доверяющие церкви воспитываются в духе религиозной и пр. нетерпимости, даже в погромном духе.

Надеемся, что РПЦ сможет преодолеть эти затруднения и достойно ответить на вызовы сегодняшнего дня.

Библиографический список

1. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Мир на перепутье [Текст] // Независимая газета. – НГ-религии. – 1999. – 23 июня. – С. 17.
2. Васильева, Т. Свобода совести и религии: Ст. 9 Европейской конвенции в интерпретации Суда по правам человека [Текст] // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 4. – С. 117.
3. Вениамин (Новик), игумен. Анализ 1–5 глав «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» [Текст] // Социс. – 2002. – № 4. – С. 69.

4. Верховский, А. М. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. [Текст] // Православная церковь при новом патриархе. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 147–148.

5. Верховский, А. М. Религиозные организации и возможности идеологического проектирования в путинской России [Текст] // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 171.

6. Всемирный русский собор. Первый этап [Текст] – М., 1993 – С. 132.

7. Всемирный русский собор. Второй этап [Текст] – М., 1995. – С. 71–74.

8. Зубов, А. Русская православная церковь в посттоталитарном пространстве [Текст] // Континент. – 1995. – № 85. – С. 252.

9. Игнатов, А. Богословские аргументы в политической борьбе [Текст] // Вопросы философии. 1997. – № 5. – С. 16.

10. Иоанн (Снычев). Быть русским [Текст] // Одоление смуты. – СПб., 1996. – С. 3.

11. Каневский, К. Религиозный ренессанс в России. Проблемы государственно-конфессиональных отношений [Текст] // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 64.

12. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Обстоятельства Нового времени. Либерализм, традиционализм и моральные ценности объединяющейся Европы [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 1999. – № 7. – С. 63–64.

13. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет [Текст] – М.: Мысль, 1990. – С. 298–299.

14. Контракт [Текст] // Континент. – 2009. – № 141. – С. 314.

15. Костюк, К. Антизападничество и антимодернизм в восточном православии [Текст] // Континент. – 2001. – № 10. – С. 348.

16. Костюк, К. Н. Русская православная церковь и общество: нравственное сотрудничество или этнический конфликт? [Текст] // Полис. – 2002. – № 1. – С. 113.

17. Кутковец, Т. И., Клямкин, И. М. Русские идеи [Текст] // Полис. – 1997. – № 2. – С. 120 – 130.

18. Мальцев, В. Демократия за ради Бога [Текст] // Независимая газета. – НГ-религии. – 2012. – 18 января. – С. 1.

19. Митрохин, Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст] – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 237.

20. Можегов, В. После выборов. Записки на полях о патриархальном будущем [Текст] // Континент. – 2009. – № 142. – С. 300.

21. Мчедлов, М. П. Социальная концепция православия [Текст] // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 7. – С. 24.

22. Новые события [Текст] // Новая газета. – 2012. – 10 октября. – С. 11.

23. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Текст]. – М.: Московский Патриархат, Священный Синод РПЦ, Отдел внешних церковных связей, 2001. – С. 20.

24. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Текст]. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. – С. 18–19.

25. Павлов, В. Вера и перепись. Так сколько же православных в России [Текст] // Итоги. – 2001. – № 5. – С. 47.

26. Религия и глобализация на просторах Евразии [Текст]. – М.: РОССПЭН, 2009. – 64 с.

27. Русская православная церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве [Текст] : материалы научного семинара. – Вып. 7. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 84.

28. Сафонов, В. На самарской земле [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 1999. – № 12. – С. 41.

29. Ситников, А. В. Православие и демократия: К вопросу о влиянии религиозного фактора на политическое сознание и политическую культуру России [Текст] // Полития. – 2004–2005. – № 4. – С. 94.

30. Солодовник, С. Два народа – две церкви [Текст] // Pro et contra. – 2012. – Май – Июнь. – С. 33.

31. Филатов, С. Б. Патриарх Кирилл – два года планов, мечтаний и неудобной реальности [Текст] // Православная церковь при новом патриархе. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 18.

32. Христианство и демократическая культура. Круглый стол в редакции «Континента» [Текст] // Континент. – 2007. – № 134. – С. 316–317.

33. Чаплин, В., протоиерей. Глобализация и глобализм: новые возможности, новые угрозы [Текст] // Церковь и время. – 2003. – № 1. – С. 23–24.

34. Чаплин, В. протоиерей Русская православная церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве [Текст] : материалы научного семинара. – Вып. 7. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 84.

35. Чаплин, В., протоиерей. Пять постулатов православной цивилизации [Текст] // Политический класс. – 2007. – № 2. – С. 81–85.

36. Чаплин, С. Подальше от власти [Текст] // Политический журнал. – 2005. – № 25. – 18 июля. С. 61.

37. <http://www.ovco.org/2011/02/2617>

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksij II, Patriarkh Moskovskij i vseya Rusi. Mir na pereput'e [Текст] // Nezavisimaya gazeta. – NG-religii. – 1999. – 23 iyunya. – С. 17.

2. Vasil'eva, T. Svoboda sovesti i religii: St. 9 Evropejskoj konventsii v interpretatsii Suda po pravam cheloveka [Текст] // Konstitucionnoe pravo: Vostochno-evropejskoe obozrenie. – 2002. – № 4. – С. 117.

3. Veniamin (Novik), igumen. Analiz 1–5 glav «Osnov sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi» [Текст] // Sotsis. – 2002. – № 4. – С. 69.

4. Verkhovskij, A. M. Natsionalizm rukovodstva Russkoj pravoslavnoj tserkvi v pervom desyatiletii

KHKHI v. [Текст] // Pravoslavnaya tserkov' pri novom patriarkhe. – М.: ROSSPEHN, 2012. – С. 147–148.

5. Verkhovskij, A. M. Religioznye organizatsii i vozmozhnosti ideologicheskogo proektirovaniya v putinskoj Rossii [Текст] // Dvadsat' let religioznoj svobody v Rossii. – М.: ROSSPEHN, 2009. – С. 171.

6. Vsemirnyj russkij sobor. Pervyj ehtap [Текст] – М., 1993 – С. 132.

7. Vsemirnyj russkij sobor. Vtoroj ehtap [Текст] – М., 1995. – С. 71–74.

8. Zubov, A. russkaya pravoslavnaya tserkov' v posttotalitarnom prostranstve [Текст] // Kontinent. – 1995. – № 85. – С. 252.

9. Ignatov, A. Bogoslovskie argumenty v politicheskoy bor'be [Текст] // Voprosy filosofii. 1997. – № 5. – С. 16.

10. Ioann (Snychev). Byt' russkim [Текст] // Odolenie smuty. – SPb., 1996. – С. 3.

11. Kanevskij, K. Religioznyj renessans v Rossii. Problemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij [Текст] // Rossijskaya yustitsiya. – 2002. – № 11. – С. 64.

12. Kirill, mitropolit Smolenskij i Kaliningradskij. Obstoyatel'stva Novogo vremeni. Liberalizm, traditsionalizm i moral'nye tsennosti ob"edinyayushhejsya Evropy [Текст] // ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. – 1999. – № 7. – С. 63–64.

13. Klyuchevskij, V. O. Sochineniya. V 9 t. T. I. KH. Materialy raznykh let [Текст] – М.: Mysl', 1990. – С. 298–299.

14. Kontrakt [Текст] // Kontinent. – 2009. – № 141. – С. 314.

15. Kostyuk, K. Antizapadnichestvo i antimodernizm v vostochnom pravoslavii [Текст] // Kontinent. – 2001. – № 10. – С. 348.

16. Kostyuk, K. N. russkaya pravoslavnaya tserkov' i obshchestvo: npravstvennoe sotrudnichestvo ili etnicheskij konflikt? [Текст] // Polis. – 2002. – № 1. – С. 113.

17. Kutkovets, T. I., Klyamkin, I. M. russkie idei [Текст] // Polis. – 1997. – № 2. – С. 120–130.

18. Mal'tsev, V. Demokratiya za radi Boga [Текст] // Nezavisimaya gazeta. – NG-religii. – 2012. – 18 yanvarya. – С. 1.

19. Mitrokhin, N. russkaya pravoslavnaya tserkov': sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy [Текст] – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – С. 237.

20. Mozhegov, V. Posle vyborov. Zapiski na polyakh o patriarkhal'nom budushhem [Текст] // Kontinent. – 2009. – № 142. – С. 300.

21. Mchedlov, M. P. Sotsial'naya kontseptsiya pravoslavniya [Текст] // Svobodnaya mysl' – KHKHI. – 2001. – № 7. – С. 24.

22. Novye sobytiya [Текст] // Novaya gazeta. – 2012. – 10 oktyabrya. – С. 11.

23. Osnovy sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi [Текст]. – М.: Московский Патриархат, Священный Синод РПЦ, Отдел внешних церковных связей, 2001. – С. 20.

24. Osnovy ucheniya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka [Tekst]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarkhii, 2010. – S. 18–19.
25. Pavlov, V. Vera i perepis'. Tak skol'ko zhe pravoslavnykh v Rossii [Tekst] // Itogi. – 2001. – № 5. – S. 47.
26. Religiya i globalizatsiya na prostorakh Evrazii [Tekst]. – M.: ROSSPEHN, 2009. – 64 s.
27. russkaya pravoslavnaya tserkov', prava cheloveka i diskussii ob obshhestvennom ustrojstve [Tekst] : materialy nauchnogo seminar. – Vyp. 7. – M.: Nauchnyj ehkspert, 2007. – S. 84.
28. Safonov, V. Na samarskoj zemle [Tekst] // ZHurnal Moskovskoj patriarkhii. – 1999. – № 12. – S. 41.
29. Sitnikov, A. V. Pravoslavie i demokratiya: K voprosu o vliyanií religioznogo faktora na politicheskoe soznanie i politicheskuyu kul'turu Rossii [Tekst] // Politiya. – 2004–2005. – № 4. – S. 94.
30. Solodovnik, S. Dva naroda – dve tserkvi [Tekst] // Pro et contra. – 2012. – Maj – Iyun'. – S. 33.
31. Filatov, S. B. Patriarkh Kirill – dva goda planov, mechtanij i neudobnoj real'nosti [Tekst] // Pravoslavnaya tserkov' pri novom patriarkhe. – M.: ROSSPEHN, 2012. – S. 18.
32. KHristianstvo i demokraticeskaya kul'tura. Kruglyj stol v redaktsii «Kontinenta» [Tekst] // Kontinent. – 2007. – № 134. – S. 316–317.
33. CHaplin, V., protoierej. Globalizatsiya i globalizm: novye vozmozhnosti, novye ugrozy [Tekst] // Tserkov' i vremya. – 2003. – № 1. – S. 23–24.
34. CHaplin, V. protoierej Russkaya pravoslavnaya tserkov', prava cheloveka i diskussii ob obshhestvennom ustrojstve : materialy nauchnogo seminar. – Vyp. 7 [Tekst] – M.: Nauchnyj ehkspert, 2007. – S. 84.
35. CHaplin, V., protoierej. Pyat' postulatov pravoslavnoj tsivilizatsii [Tekst] // Politicheskij klass. – 2007. – № 2. – S. 81–85.
36. CHaplin, S. Podal'she ot vlasti [Tekst] // Politicheskij zhurnal. – 2005. – № 25. – 18 iyulya. S. 61.
37. <http://www.ovco.org/2011/02/2617>